

УДК 2-1:27-788-35:001.8

Белов В.Н.

Как возможна православная философия

Ответ на рецензию К.М. Антонова «Аскетизм в науке. (Белов В.Н. Аскетика в русской духовной традиции. — Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2011. — 239 с.)»

Белов Владимир Николаевич, доктор философских наук, профессор Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского, член Экспертного совета по проведению государственной религиоведческой экспертизы при Министерстве юстиции РФ

E-mail: belovvn@rambler.ru

В самых начальных строках своих размышлений по поводу рецензии К.М. Антонова на монографию «Аскетика в русской духовной традиции» хотел бы выразить благодарность редакции журнала «Электронное научное издание Альманах Пространство и Время» за предоставленную возможность обсудить проблемы, поднятые появлением моей книги. Развитие в отечественном образовательном и научном пространстве богословия и гуманитарной науки долгое время шло как бы параллельными и практически не пересекающимися путями: сначала устоявшаяся традиция РПЦ относительно существования отдельно духовных и светских, прежде всего высших, учебных заведений, а затем — в годы советской власти — и вовсе вытеснение религии на обочину общественной жизни общества ставили естественную преграду для обращения светского ученого к богословским темам.

Конечно же, преграду не непреодолимую, и научно-педагогическая деятельность выдающихся светских богословов прошлого и настоящего — яркое тому подтверждение¹. Причем отделение богословия от светских образовательных учреждений

¹ Можно назвать лишь некоторые имена: Н.Н. Глубоковский, А.В. Карташов, М.М. Тареев, И.В. Попов, С.В. Троцкий, В.Н. Лосский, Н.К. Гаврюшин, А.И. Осипов и многие другие.

в дореволюционные годы также имело под собой веское основание: нераздельность в богословии теории и практики. Неслучайно существовала сентенция в отношении богословов: кто как молится, тот такой и богослов. Известно, что долгое время богословие в России в силу ряда исторических обстоятельств не отличалось самостоятельностью в сочинении богословских трактатов, и предпочитало выражать свою самобытность в архитектуре и иконописи (так называемое «умозрение в красках», Е.Н. Трубецкой).

Сложность разговора о православной философии, ее специфике и своеобразии в России осложняется фактом наличия в ней русской религиозной философии. Если в самых общих чертах попытаться одним предложением определить суть различия между православной философией и русской религиозной философией, то оно может быть выражено так: на каком элементе из данных словосочетаний делается акцент — православию или философии. Иными словами, в православной философии предполагается возрождение средневековой формы взаимодействия философии и теологии, в данном случае уже с учетом результатов развития философской мысли в новое и новейшее время. В православной философии предполагается стремление к такому синтезу богословия и философии, когда философский инструментально добросовестно и аккуратно применяется для анализа богословских тем и, напротив, светские темы раскрываются через их православную трактовку².

² О попытках определения характера православной философии и сложностях этих попыток см. статью [Белов 2007, с. 85—100].

О том, что такого рода синтез вполне реален и плодотворен свидетельствует творчество отечественного автора С.С. Хоружего и греческого философа Х. Яннараса.

Что же касается самой рецензии, то хотел бы поблагодарить ее автора профессора, заведующего кафедрой ПСТГУ Константина Михайловича Антонова за подробный и в целом критичный разбор моего труда. Со многими оценками, осо-

МНЕНИЕ

Белов В.Н. Как возможна православная философия. Ответ на рецензию К.М. Антонова «Аскетизм в науке». (Белов В.Н. Аскетика в русской духовной традиции. — Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2011. — 240 с.)»

бенно касаемых недостаточного количества источников, я согласен. Но все же считаю целесообразным дать свои пояснения или ответить на ряд замечаний моего уважаемого рецензента.

Прежде всего, общие пояснения, относящиеся к характеру работы. В основу ее положены лекции, читаемые автором в течение одного семестра на философском факультете Саратовского университета и собственно задача этих лекций — ввести студентов в круг проблем и тем православного вероучения, которые связывают через аскетику святоотеческую традицию и современную науку о человеке. Определение жанра как монографии и отметка о программе, в рамках которой подготовлено издание, вещь вынужденная, которая дала возможность опубликовать работу бесплатно для ее автора. Поэтому изначально работа не предполагала погружение в тему с использованием максимального количества источников, выделение специальных проблем, обращение к литературе, представляющей интерес для узкого круга специалистов. Конечно, каждая из обозначенных в книге тем при ее «неповерхностном» изучении потребовала бы отдельного исследования — и есть надежда, что таковые в скором времени появятся, поскольку для всех очевидно непростое возрождение интереса в российском обществе, в том числе и в научном сообществе, к православию. Повторюсь, задача книги в данном аспекте была более скромной, пропедевтической.

И все же необходимо дать ряд *по*-яснений и *про*-яснений по некоторым сюжетам, вызвавшим наибольшее возмущение рецензента. Следует сразу сказать о том, что любые свои утверждения автор книги опирал на авторитетные исследования, либо на конкретные цитаты анализируемых источников. Так, если относительно двухтомной работы по аскетизму С.М. Зарина, которого автор называет авторитетнейшим исследователем и в то же время отмечает компилятивный, недостаточно системный характер его произведения, то в монографии следует ссылка на заявление самого Зарина, его самооценку (с. 8 издания). Что касается утверждения о непонимании протопресвитером И.Л. Янышева сути аскетического делания, то опять же автор монографии ссылается здесь на мнение о. Г. Флоровского (с. 7—8). Сложный процесс признания аскетики в качестве отдельной дисциплины в учебных курсах духовных академий автор монографии подчеркивает только вслед за утверждениями как известного русского богослова Н.Н. Глубоковского, так и не менее известного философа С.С. Хоружего (с. 7—9).

Что же касается обвинений рецензента касательно надуманности опровергаемых автором книги мнений об аскетике, то опять же следует разобраться с ними более внимательно. Так, уважаемый рецензент относит к пройденным интеллектуальным этапам полемику против надмирности и анти-телесности аскетики, советуя обратить внимание на то, что, напротив, чрезмерная концентрация на данной теме апологетов христианства приводит сегодня к упрекам в материализме и гедонизме в адрес христианства. Здесь, как мне кажется, в аргументе присутствует большая путаница. Если в книге речь идет о неверной трактовке православно-аскетической позиции в отношении ее тотальной надмирности и анти-телесности — а, собственно, вышеобозначенные современные упреки в адрес христианства есть оборотная сторона данной неверной трактовки, — то почему же постановка этой проблемы с целью прояснения истинного отношения аскетики к миру и телу считается рецензентом устаревшей?

Также несколько странно недоумение рецензента относительно попытки автора монографии дать аргументацию против обвинений творений святых отцов в игнорировании ими антропологической проблематики. Не кто иной, как глубоко почитаемые К.М. Антоновым творцы так называемого «нового религиозного сознания» ратовали за новое откровение, откровение о человеке, которое, по их мнению, не было предложено ни Писанием, ни Преданием церкви. Неужели такой подход к оценке ими учения церкви не свидетельствует об актуальности и необходимости разговора на данную тему? Оговорюсь еще раз: конечно, каждая из этих тем достойна отдельного обстоятельного монографического исследования, а, может быть, и не одного, но это, на мой взгляд, все же иной аспект дискуссии, нежели тот, который предлагает в своем отзыве рецензент.

Недоумение вызывает и заявление рецензента о неприемлемости такого приема, как «снятие оппозиций». Конечно, такой глобальной цели, как окончательное разрешение всех противоречий и преодоление всех противоположностей, возникающих как в исторической проекции христианства, так и в личностной биографии христианина автор книги не ставил и ставить не мог. Но и не представить хотя бы самых общих возможных решений, как будто основная задача христианского вероучения проблематизировать жизнь человека, а не наставить его на путь спасения, автор книги также не мог. Создается устойчивое впечатление в том, что главную заслугу любых исследований по христианству уважаемый рецензент видит в поиске и нахождении спорных ситуаций и противоречивых мнений. В этом, недо полагать — согласно логике рецензента, — проявляется бóльшая наукообразность данных сочинений.

Никто не будет возражать против необходимости прояснения основных «болевых точек» предмета исследований и характера их современных преломлений в жизни человека и общества. Но задачей книги, повторюсь, было указание на те устоявшиеся противоречия и противостояния в социальном и личностном бытии христианства, которые существуют и сегодня. И не только указание на то, что проблематизирует христианство, но и какие выходы из этой проблематизации оно предлагает. В частности, в вечной проблеме имеющей множество дихотомийных ипостасей: мира и монастыря, империи и пустыни, социального и духовного, внешнего делания и внутреннего созерцания, общественной активности и молитвенной сосредоточенности православие предлагает решение, которое и попытался донести автор книги, опираясь на выска-

МНЕНИЕ

Белов В.Н. Как возможна православная философия. Ответ на рецензию К.М. Антонова «Аскетизм в науке». (Белов В.Н. Аскетика в русской духовной традиции. — Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2011. — 240 с.)»

МНЕНИЕ

Белов В.Н. КАК ВОЗМОЖНА ПРАВОСЛАВНАЯ ФИЛОСОФИЯ. ОТВЕТ НА РЕЦЕНЗИЮ К.М. АНТОНОВА «АСКЕТИЗМ В НАУКЕ. (Белов В.Н. АСКЕТИКА В РУССКОЙ ДУХОВНОЙ ТРАДИЦИИ. — САРАТОВ: ИЗД-ВО САРАТ. УН-ТА, 2011. — 240 с.)»

звания преп. Серафима Саровского, свт. Тихона Задонского и В.Н. Лосского (с. 31—33). В той же плоскости рассуждений находится и предлагаемое православными авторами решение известного спора между преподобными Иосифом Волоцким и Нилом Сорским, позицию которых, кстати, и Н. Бердяев называл «двумя правдами» единой истины.

Наметился также ряд вопросов, по которым можно констатировать принципиальность разногласий автора книги и рецензента — это отношение к русской религиозной философии и современной научной методологии. А именно: рецензент отстаивает ту точку зрения, согласно которой русская религиозная философия благодаря своим концептам «нового религиозного сознания», всеединства, софиологии внесла существенный вклад в развитие отечественного богословия и православной философии через проблематизацию многих тем, сюжетов, понятий и т.п. А тот критический подход к ее оценке, который предлагают о. Г. Флоровский и С.С. Хоружий, есть «существенно утилитаристский», навязываемый русской мысли конкретным исследователем. Но, прежде всего, хотелось бы сделать одно замечание общего плана: гуманитарные исследования отличаются именно авторством, то есть попыткой не скрыть автора за общезначимостью открываемых истин, но обозначить и обострить ответственность конкретного субъекта того или иного суждения. В одном необходимо согласиться с рецензентом — тема «русская религиозная философия и православная традиция» настолько глубока и разностороння, что для ее детального представления потребуется усилия еще многих и многих исследователей. Но вот с тем, что критический подход к оценке русской религиозной философии на основе концепта «неопатристического синтеза» сегодня, якобы, устарел, согласиться никак нельзя, поскольку данный подход вскрывает фундаментальные проблемы современности Православного Предания, актуальности православных истин об истории, человеке, Церкви.

В целом же право критической оценки своего философского творчества дали нам сами русские религиозные философы. Как иначе оценить нам смысл посланий, содержащихся в «Трех разговорах» Вл. Соловьева, как не констатацию неудачи своей же попытки синкретизма всех научных и духовных традиций в философии всеединства, как иначе понимать нам жесткий вывод о. С. Булгакова о философии как разновидности ересеологии в «Трагедии философии», как не подведение итогов своего же религиозно-философского творчества!..

Если в отношении русской религиозной философии уважаемого рецензента раздражает критический подход автора монографии, то в отношении научности аскетики — его позитивность. Контраргументы сводятся к тому, что говорить о научности аскетики так однозначно преждевременно, так как в отечественном научно-образовательном пространстве не решен вопрос о научности богословия, во-первых, и, во-вторых, автор книги предлагает противопоставлять аскетику естественно-научному, а не гуманитарному дискурсу, что, по его мнению, было бы более продуктивно. Опять же следует заметить, что автор книги не намеревался детально разрабатывать апологетику аскетики, но стремился выделить наиболее принципиальные моменты, лежащие в основании отторжения учеными, как в области естествознания, так и в области гуманитарных наук, богословия и аскетики. В данном случае, действительно, не важны нюансы расхождений «наук о природе» и «наук о духе», поскольку эти нюансы имеют значение внутри новоевропейского идеала науки как рационального познания внешнего и внутреннего мира человека при помощи увеличивающегося могущества разума. Не буду вдаваться в подробности различий научно-рационального и восточно-православного гнозиса, сошлюсь только на работы Г. Паламы «Триады в защиту священно-безмолвствующих» и на сочинение А.И. Осипова «Путь разума в поисках истины», но именно с необходимостью учета этих различий следует связывать утверждение автора «Аскетики» о научном статусе предмета его исследования.

В целом же основной пафос критического отношения к наукообразности «Аскетики» у рецензента сводится к констатированию того, что затрагиваемые проблемы устарели, а предлагаемая методология исследования не учитывает опять же новейших тенденций в науке, богословии и философии. И опять же необходимо повторить, что задачи «обновлять» проблемы и методологию не ставилось по одной простой причине: автор стремился к вычленению таких проблем, которые являются фундаментальными и которые нашли свое подобающее решение в православно-аскетической традиции, и, собственно, неприятие этих решений под той или иной аргументацией также не претерпевает серьезных изменений.

И, наконец, последнее замечание по поводу возможности (или невозможности) совмещения научного и православного мировоззрения в научных исследованиях самого автора. Православная позиция не ограничивает моего творчества, но, напротив, дает возможность посмотреть на многие вещи шире и глубже. В данном случае, переключаясь с неокантианства³

³ Кстати, философию религии Г. Когена нельзя понять без глубокого осмысления традиции иудаизма.

на богословскую тематику, я ни в коем случае не наступаю, как говорится, на горло своей научной песни, и если рецензент не увидел в тех — в чем абсолютно с ним согласен — поверхностных и самых общих описаниях русской духовно-аскетической традиции перспектив для самого автора книги, то готов принять этот упрек и попросить у уважаемого рецензента и будущих читателей прощение.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Белов В.Н. Идея христианской философии // Философия в поисках и спорах. Петербургские сюжеты. СПб., 2007. С. 85—100.	1. Belov V.N. (2007). Ideya khristianskoi filosofii. In: Filosofiya v poiskakh i sporakh. Peterburgskie syuzhety. S.-Peterburg. Pp. 85—100.

МНЕНИЕ

Белов В.Н. КАК ВОЗМОЖНА ПРАВОСЛАВНАЯ ФИЛОСОФИЯ. ОТВЕТ НА РЕЦЕНЗИЮ К.М. АНТОНОВА «АСКЕТИЗМ В НАУКЕ. (Белов В.Н. АСКЕТИКА В РУССКОЙ ДУХОВНОЙ ТРАДИЦИИ. — САРАТОВ: ИЗД-ВО САРАТ. УН-ТА, 2011. — 240 с.)»

МНЕНИЕ

БЕЛОВ В.Н. КАК ВОЗМОЖНА ПРАВОСЛАВНАЯ ФИЛОСОФИЯ. ОТВЕТ НА РЕЦЕНЗИЮ К.М. АНТОНОВА «АСКЕТИЗМ В НАУКЕ. (БЕЛОВ В.Н. АСКЕТИКА В РУССКОЙ ДУХОВНОЙ ТРАДИЦИИ. — САРАТОВ: ИЗД-ВО САРАТ. УН-ТА, 2011. — 240 С.)»

HOW THE ORTHODOX PHYLOSOPHY IS POSSIBLE

Reply on the review "Asceticism in Science.

[Belov V.N. (2011). Asketika v russkoi dukhovnoi traditsii. Izd-vo Sarat. un-ta, Saratov.

= Ascetics in Russian spiritual tradition. Saratov Univ. Press. 239 p., in Russian]"

by Dr. K.M. Antonov

Vladimir N. Belov, Doctor of Philosophy, Professor at Saratov State University named by N.G. Chernyshevsky, member of Expert Council for state religious expertise under Russian Ministry of Justice.

E-mail: belovvn@rambler.ru

The publication is Dr. Prof. Belov's response on the review of Dr. Antonov. Author of monography gives the following counterarguments:

1) As to whether that the views of asceticism, which refutes the author, are contrived:

If the book deals with the wrong interpretation of the Orthodox ascetic position in relation to its total supra-mundane and anti-bodily nature (and, in fact, the modern criticisms of Christianity is the reverse side of this misinterpretation), then why reviewer finds obsolete the putting this problem in order to clarify true attitude of asceticism to the world and to the bodily?

2) On the reviewer's perplexity respect to monographer's attempts to give arguments against the charges of the holy fathers in ignoring them of anthropological problems:

It was none other than the "new religious consciousness" creators (deeply respected by the reviewer) which argued for a new revelation of the human. This revelation, in their opinion, was not proposed by the Scriptures or the Tradition of the Church. Could such approach to their assessment the teachings of the church does not show the relevance and the need to talk on the subject?

The differences between the author's and the reviewer's respects to Russian religious philosophy and modern scientific methodology are principal. Specifically, the reviewer asserts the view according to which the Russian religious philosophy for its concepts of "new religious consciousness" made a significant contribution to the development of Russian Orthodox theology and philosophy through the problematization of the many themes, stories, ideas, etc. And the critical approach to its assessment, which G. Florovsky and S.S. Horuzhy offers, is "essentially utilitarian". However, the feature of Humanities Research is its authorship exactly; this is not an attempt to hide the author behind the universal truth, but identify and sharpen the responsibility of a specific author of a specific opinion.

Keywords: ascetics, asceticism, Russian religious philosophy, Humanities Research, scientific knowledge, methodology of humanitarian researches.

МНЕНИЕ

БЕЛОВ В.Н. КАК ВОЗМОЖНА ПРАВОСЛАВНАЯ ФИЛОСОФИЯ. ОТВЕТ НА РЕЦЕНЗИЮ К.М. АНТОНОВА «АСКЕТИЗМ В НАУКЕ. (БЕЛОВ В.Н. АСКЕТИКА В РУССКОЙ ДУХОВНОЙ ТРАДИЦИИ. — САРАТОВ: ИЗД-ВО САРАТ. УН-ТА, 2011. — 240 С.)»